

ВИННИПЕГСКАЯ
СТЕНА

МАРИАНА ЗАПАТА

INSPIRIA

Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
3-30

Mariana Zapata

THE WALL OF WINNIPEG AND ME

Copyright © 2016 Mariana Zapata

Перевод с английского *Нины Лебедевой и Алины Галочкиной*

Иллюстрация на обложке AceDia

Художественное оформление *Екатерины Петровой*

Во внутреннем оформлении использована иллюстрация:

© Podessto / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Ранее роман издавался под названием «Ты будешь мне стеной»

Запата, Мариана.

3-30 Виннипегская Стена и я / Мариана Запата ; [перевод с английского Н. Лебедевой, А. Галочкиной]. — Москва : Эксмо, 2025. — 512 с.

ISBN 978-5-04-188684-4

Ванесса Мазур знает, что поступает правильно.

Два года проработав личным ассистентом известного футболиста, она наконец готова уйти и начать карьеру графического дизайнера. Эйдена Грейвса по прозвищу Виннипегская Стена обожают тысячи, но на деле он холоден, недружелюбен и едва заговорил с Ванессой за все это время.

Каковы шансы, что спустя месяц после ее ухода Эйден вдруг появится у нее на пороге и станет умолять вернуться? Ванесса ошарашена, ведь он предлагает ей кое-что еще: абсолютно возмутительное и даже опасное.

Как отказать человеку, который привык получать все что хочет? И что выйдет, если Ванесса все же согласится?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Лебедева Н., перевод на русский язык,
2024

© Галочкина А., перевод на русский язык,
2024

© Издание на русском языке, оформление.
Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-188684-4

В память об Алане

ГЛАВА 1

Я убью этого придурка.

Однажды я это сделаю.

Через пару дней после того, как уволюсь, чтобы никто меня не заподозрил.

— Эйден, — простонала я, хоть и знала, что жаловаться и возражать бесполезно. Ответом мне был только печально извещный снисходительно-презрительный взгляд, из-за которого в прошлом у Эйдена не раз были неприятности. По крайней мере, так мне говорили. Когда его брови хмурились, а уголки рта опускались и напрягались, мне хотелось только одного — засунуть палец ему в нос. Так делала моя мама, когда ее дети начинали дуться.

Виновник моих переживаний, который и не подозревал о том, что находится на грани смерти, недовольно фыркнул, придвигая к себе миску с салатом. Миску, которой хватило бы, чтобы накормить целую семью.

— Ты слышала? Отменяй, — повторил он, будто обращался к глухой.

О, я слышала. Четко и ясно. Поэтому и хотела его прикончить.

До чего удивительно устроен человеческий разум: как можно заботиться о человеке и одновременно хотеть перерезать ему горло? Это как иметь сестру, которую иногда так и хочется ударить. Не потому что ты ее не любишь, просто хочешь врезать ей по животу, чтобы преподать урок. Не то чтобы я знала это по собственному опыту.

Я так ничего и не ответила, и Эйден добавил, не меняя выражения лица и глядя прямо на меня:

— Мне плевать, что ты им скажешь. Отменяй.

Поправив очки левой рукой, я опустила правую, чтобы скрыть от Эйдена средний палец, который я ему показала. Выражения его лица и так было вполне достаточно, но этот тон, которым он разговаривал со мной, злил меня только больше. Он означал, что спорить бесполезно и мне придется это разгребать.

Как всегда.

Когда я только начала работать на трижды лучшего защитника года по версии Национальной футбольной лиги, мне не нравились всего три мои обязанности. Я не любила спорить с людьми, говорить им «нет» и очищать мусорное ведро, потому что я, помимо прочего, была тут и кухаркой, и уборщицей.

Но что я по-настоящему ненавидела — ненавидела всем сердцем, — так это отменять договоренности с людьми в последнюю минуту. Это совершенно выбивало меня из колеи и шло вразрез с моим моральным кодексом. Потому что обещание есть обещание. С другой стороны, это ведь не я разочаровывала его фанатов, а сам Эйден.

Чертов Эйден беззаботно поглощал второй за день обед, даже не задумываясь, с чем мне предстоит столкнуться, когда я позвоню его агенту и скажу, что Эйден не поедет на автограф-сессию в магазин спорттоваров. И это после того, сколько усилий мы потратили на ее организацию. Ура.

Я вздохнула. Чувство вины сжимало мой живот и терзало разум. Я наклонилась и потеряла затекшее колено рукой, которая не была занята выражением моего негодования.

— Ты уже обещал им...

— Мне плевать, Ванесса.

И снова этот его взгляд. Мой средний палец непроизвольно дернулся.

— Пусть Роб все отменит.

Его огромное предплечье поднялось, чтобы Эйден запихнул себе в рот примерно полкило еды за раз. Вилка застыла в воздухе, когда его мрачный упрямый взгляд пересекся с моим.

— Что-то не так?

«Ванесса то, Ванесса се».

«Отмени встречу. Пусть Роб все отменит».

Фу.

Как будто мне вообще нравилось общаться с его агентом, а особенно по поводу отмены встречи с фанатами всего за два дня до мероприятия. Само собой, Роб выплеснет все недовольство на меня, будто у меня есть хоть капля влияния на Эйдена «Виннипегскую Стену» Грейвса. Я лишь однажды была близка к тому, чтобы помочь ему принять решение, — когда порекомендовала ему камеру для покупки. И то лишь потому, что у него «есть дела поважнее» и «за это я тебе и плачу».

Конечно, он был прав. Эйден платил мне столько — плюс то, что время от времени я получала от Зака, — что я готова была изобразить на лице улыбку, хоть и вымученную, и делать что скажут. Иногда я даже приседала в маленьком реверансе, который Эйден предпочитал не замечать.

Вряд ли он осознавал, сколько терпения мне требовалось, чтобы провести с ним эти два года. Другой давно зарезал бы его во сне. Я, по крайней мере, обычно продумывала безболезненные способы.

Обычно.

Он стал кем-то совершенно другим, когда порвал ахиллово сухожилие в самом начале сезона в прошлом году. Я старалась не злиться на него, правда старалась. Это непросто — выпасть на три месяца из игры, тем более что его обвинили в неудачах команды, которая в итоге не прошла в плей-офф. Вдобавок многие говорили, что Эйден уже не достигнет прежних высот после полугодового перерыва на лечение и реабилитацию.

Но Эйден есть Эйден. Многим спортсменам требовалось куда больше времени, чтобы снова встать на ноги и вернуться в игру. Но не ему. Вот только мне приходилось иметь с ним дело, пока он ковылял на костылях, и возить его по больницам.

Как выяснилось, даже моего терпения едва хватало на эту капризную маленькую сучку. Эйден любил футбол, и его наверняка пугал риск навсегда остаться за бортом или уже не достичь прежнего уровня. Не то чтобы он говорил о своих стра-

хах вслух, но я понимала его без слов. Даже не представляю, что я чувствовала бы, если бы повредила руки и боялась, что больше не смогу рисовать.

Но раздражительность Эйдена достигла уровня, не зарегистрированного ранее в истории вселенной. А я знаю, о чем говорю, ведь у меня было три старших сестры, чьи месячные начинались в одно и то же время. После них почти ничего — и почти никто — не могло меня задеть. Я знала, что такое настоящие издевательства, и Эйден никогда не переступал черты. Он просто бывал иногда порядочным козлом.

Ему повезло, что я была легка, совсем чуть-чуть влюблена в него. Иначе я бы уже давно его прирезала. С другой стороны, только слепой не увлекся бы Эйдемом Грейвсом.

Он приподнял брови и посмотрел на меня ярко-кариими глубоко посаженными глазами из-под изогнутых черных ресниц. Я сглотнула и покачала головой, рассматривая его лицо, улыбка на котором появлялась, только когда он видел собаку. Он был размером с небольшой дом, и, конечно, у него должны были быть крупные и грубые черты лица пещерного человека. Но Эйдену, похоже, нравилось опровергать любые связанные с ним стереотипы. Он был умен, проворен и скоординирован и — насколько я знаю — не видел ни одной хоккейной игры. Он выругался при мне всего дважды. И не употреблял животный белок. Этот парень не ел бекон! С другой стороны, он был бы последним, кого я назвала бы вежливым, и он никогда не извинялся. Никогда.

По сути, он был аномалией. Канадский футболист, который придерживался растительной диеты — он не любил называть себя веганом. И такой привлекательный, что оставалось лишь благодарить Бога за то, что он дал мне глаза.

— Как скажешь, здоровяк, — сказала я с фальшивой улыбкой, все еще держа средний палец за кухонным островом.

— Переживут, — обронил Эйден, не обратив внимания на прозвище, и расправил свои плечи, по которым без труда мог бы пройти небольшой человек. — Ничего страшного.

Ничего страшного? Вряд ли его менеджеры и агент согласятся с этим, но Эйден всегда делает так, как хочет, и никто не

смеет сказать ему «нет». Они говорят «нет» мне, и тогда мне приходится разруливать ситуацию.

Что бы там ни думали другие, на самом деле защитник «Трех сотен», профессиональной футбольной команды Далласа, не был полным козлом. Он много ворчал и вечно был хмурым, но никогда не выходил из себя без веской причины. Он был требовательным: он точно знал, чего он хочет и что ему нравится. Это, конечно, замечательное качество. Другое дело, что всеми его требованиями приходилось заниматься мне, нравились они мне или нет.

Ничего, осталось недолго, — подумала я. Нужно потерпеть еще совсем чуть-чуть. При мысли об этом я слегка взбодрилась.

Пару месяцев назад сумма на моем банковском счете наконец добралась до очень приятной отметки благодаря силе воли, жесткой экономии и подработкам, на которые я тратила все свободное время. Я достигла своей цели и накопила подушку безопасности размером с мою годовую зарплату. У меня получилось. Нако-чертвосьми-нец-то. В воздухе уже почти пахло свободой.

Почти.

Я пока не сказала Эйдено, что ухожу.

— Что за лицо? — внезапно спросил он.

— Какое лицо? — Я моргнула, застигнутая врасплох, и постаралась прикинуться дурочкой.

Не сработало.

Продолжая жевать салат, Эйден прищурился.

— Вот это, — мотнул он головой в мою сторону.

Я пожалала плечами, как бы говоря «понятия не имею, о чем ты».

— Хочешь что-то сказать?

Мне много чего хотелось ему высказать, но я слишком хорошо знала Эйдена. Ему плевать на меня и мое мнение. Он просто напоминал, кто тут главный.

И это не я.

Скотина.

— Я? Не-а.

Его взгляд скользнул по мне и остановился на руке, которую я держала за кухонным островом.

— Тогда убери свой палец. Я не передумую, — сказал он обманчиво небрежным тоном.

Поджав губы, я опустила руку. Чертов колдун. Экстрасенс. Телепат. Он будто видел меня насквозь. И так было каждый раз, когда я решаюсь послать его куда подальше. Пусть и мысленно.

Не то чтобы я показывала людям средний палец направо и налево, но я разозлилась из-за того, что Эйден решил просто отменить эту встречу без причины. Но что я могла поделать?

— Ладно, — пробормотала я.

Эйден — который, я уверена, даже не знал, сколько мне лет и, тем более, в каком месяце у меня день рождения, — на мгновение нахмурился. Его густые темные брови сошлись на переносице, полные губы скривились. Но затем он пожал плечами, будто мое поведение тут же перестало волновать его.

Скажи мне кто-нибудь лет пять назад, что я возьму на себя всю грязную работу в жизни чужого человека, я бы рассмеялась. Я была не из тех, кто плывет по течению, — у меня всегда были цели и планы на будущее. И больше всего я хотела обрести независимость и стать самой себе начальником.

С шестнадцати лет, когда на моей первой подработке в кинотеатре на меня наорали за то, что я положила в стакан слишком мало льда, я знала, что когда-нибудь буду работать на себя. Мне не нравилось выполнять чужие распоряжения. Я была упрямой и решительной, и это, по словам отчима, было моей силой и одновременно слабостью.

Я не рвалась к вершинам славы и не хотела стать миллионером. Меня не интересовала известность. Я просто хотела собственный небольшой бизнес по графическому дизайну, который позволил бы мне держаться на плаву и оплачивать счета и кое-какие приятные мелочи. Мне не хотелось зависеть от чужих капризов или чьей-то милости. Такой была вся моя жизнь, сколько я себя помню. Я все время надеялась — надеялась, что мама вернется домой трезвой, что сестры не забудут меня покормить, что дама из социальной службы не разлучит меня с братом. Почему я вообще ударилась в воспоминания?

По большому счету я всегда знала, чем хотела заниматься, и наивно думала, что дело за малым.

Но никто не предупредил меня, что жизненный путь похож не на прямую линию, а на лабиринт. Ты то и дело останавливаешься, возвращаешься, снова идешь вперед и время от времени оказываешься в тупике. Но важно помнить, что выход есть. Он где-то там.

Надо только не сдаваться, даже если очень хочется.

Особенно когда кажется, что проще и не так страшно идти протоптанной дорожкой, а не прокладывать собственный путь.

Эйден встал, держа в руке пустой стакан. На фоне его халкоподобной фигуры кухня казалась меньше всякий раз, когда он был здесь... то есть всегда. Естественно. Он потреблял до семи тысяч калорий в день. А в футбольный сезон и все десять. Конечно, он целыми днями торчал на кухне. И я тоже — готовила ему еду.

— Ты купила груши? — спросил Эйден, оставляя позади весь наш разговор и мою попытку послать его, и налил в стакан воды.

Меня ничуть не смущало, что Эйден поймал меня на месте преступления. Когда это случилось в первый раз, я думала, что умру от стыда, а потом меня уволят. Но теперь я знала Эйдена. Ему было плевать на это, или, по крайней мере, так мне казалось, потому что меня до сих пор не уволили. Многие намеренно пытались вывести его из себя и иногда кричали такое, что я была просто в шоке. А Эйден? Он никак не реагировал и делал вид, что ничего не слышит.

Честно говоря, его выдержка впечатляла. Сама я дергалась, даже когда мне сигналили на дороге.

Да, Эйден вообще впечатлял, и женщины на улице откровенно пялились на его задницу, но — хотя многие люди решили бы, что я идиотка, раз не хочу работать на человека, который был лицом спортивного бренда — я твердо решила уйти от него. Это желание с каждым днем становилось все сильнее.

Я из кожи вон лезла ради этого. Никто не помогал мне. Годами я шла к тому, что однажды буду работать на себя. Приходилось звонить мудакам, которые заставляли меня чувствовать себя каким-то недоразумением, или заботиться о белье, принадлежавшем пресловутой заднице.

«Скажи ему, скажи ему, скажи ему прямо сейчас, что планируешь уйти», — в отчаянии взывал ко мне мой разум.

Но голосок сомнения и неуверенности в себе, который у меня был вместо внутреннего стержня, ответил: «Куда спешить?»

Мое знакомство с Виннипегской Стеной началось с того, что он спросил: «Ты умеешь готовить?»

Он не пожал мне руку, не предложил присесть. Теперь я понимаю, что уже тогда должна была увидеть, как будут устроены отношения между нами.

Он только спросил, как меня зовут, когда впервые открыл мне парадную дверь своего дома, и тут же повел на свою огромную роскошную кухню, какие я раньше видела только в рекламе. Затем он сразу перешел к вопросу о моих кулинарных талантах.

До этой встречи со мной уже говорил его менеджер. Дважды. Предлагаемая зарплата меня устраивала, а остальное на тот момент мне было неважно. Мое кадровое агентство трижды вызывало меня в офис на разговор, чтобы убедиться, что я подхожу для работы со «знаменитостью», как они называли Эйдена.

Я была хорошим кандидатом, со степенью бакалавра, разнообразным опытом работы — я три года была секретарем адвоката по бракоразводным процессам, имела довольно доходную подработку по продаже косметики и вещей из каталогов и каждое лето фотографировала всех, кто готов был мне заплатить, — и отличными рекомендациями.

Но я была уверена, что не это помогло мне получить работу, а полное невежество во всем, что касалось футбола. Когда по телевизору показывали игру, я обычно не обращала внимания. Я даже ни разу не видела Эйдена Грейвса до первого дня на новом месте. Я обычно не рассказывала людям, что за всю жизнь видела только те футбольные матчи, на которых была только в старшей школе.

Поэтому, когда менеджер упомянул имя моего будущего работодателя, я тупо уставилась на него. Думаю, именно отсутствие энтузиазма обеспечило мне это место.

Даже после того, как менеджер Эйдена предложил мне эту работу, я не удосужилась погуглить его. А смысл? Вряд ли что-то, что о нем писали в интернете, могло изменить мое решение. Будь он хоть наемным убийцей, я бы согласилась на эту работу, если бы за нее достаточно платили.

Вообще-то даже хорошо, что я не стала его гуглить. Позже, когда мне пришлось заняться рассылкой рекламных фотографий фанатам, я обнаружила, что ни одна фотография не отдавала должное Эйденоу Грейвсу.

Он был настоящим зверем — ростом почти два метра, весом, который в середине межсезонья доходил до ста тридцати килограммов, и с внешностью скорее какого-то мифического героя, чем простого смертного. Даже полностью одетым он выглядел как монстр. Никакой картинной мускулатуры. Он просто был массивным — с головы до ног. Я не удивилась бы, если бы рентген показал, что кости у него плотнее, чем у других людей. Все его мышцы были заточены на то, чтобы перехватывать мяч и блокировать квотербеков из команды противника.

Футболка XXL в утро нашей первой встречи не скрывала рельефа его мышц — спины, груди, рук. Его просто разрывало изнутри. Спортивные штаны трещали по швам. Сейчас я вспоминаю, что его кулаки тогда показались мне похожими на огромные булжники. И мне еще никогда не приходилось видеть таких широких запястий.

И это лицо, на которое я буду смотреть так долго. У него могли бы быть грубые черты, как у других крупных парней, но Эйден был красивым — необычно красивым. Высокие скулы, впалые щеки, квадратная челюсть. Глубоко посаженные глаза, подчеркнутые густыми черными бровями. На лице как будто всегда лежала темная вечерняя тень из-за щетины, даже если он только-только побрился.

Эта щетина не скрывала белый шрам, который тянулся от виска до уха. Полные губы придавали бы его лицу капризное выражение, не будь Эйден гигантом с таким суровым взглядом. У него были оливковая кожа и каштановые волосы. Я заметила золотую цепочку, выглядывавшую из-под ворота футболки, но весь образ Эйдена Грейвса настолько захватил мое внимание,